

ЛЕРМОНТОВ знал, что он обречен.

Этой короткой, как выстрел, фразой Ираклий Андроников начинает свою последнюю телевизионную работу. Она называется «Альбом Одоевского». Речь идет о той самой старинной записной книжке, которую Одоевский подарил своему другу Лермонтову перед тем, как тот отправился на Кавказ в 1841 году. Будучи превосходным литератором, князь, очевидно, верил в таинственную связь пера и бумаги. Старинный альбом должен был подвинуть поэта к творчеству. В качестве напутствия другу Одоевский сделал выписки из Евангелия: «Держитесь любви, ревнуйте же к дарам духовным, да пророчествуете». Такой уровень был задан на первой странице записной книжки. Лермонтов должен был этот уровень поддерживать. Книга была подарена 13 апреля. 15 июля у подножия горы Машук, близ Пятигорска, поэт был убит.

Несколько страниц альбома Лермонтов успел заполнить стихами. Их читает Андроников, а мы всматриваемся, разглядываем, разгадываем строки, вписанные в альбом. Одна строка набегаёт на другую, зачеркивается, вновь возникает, чуть изменённая. В темных знаках ушедшей жизни блуждаешь, как в запутанном лабиринте. Слышишь буквы иногда рассматривают в лупу, и вдруг то, что казалось уже нераз-

личимым, выплывает в светлое поле смысла. «Строка встала», — скажет Андроников с тем чувством профессионала, который знает устройство слова, его внутренний механизм и тайну словесных сочетаний.

Заполненные страницы озвучены голосом Андроникова, голосом совершенно особого реги-

лист бумаги вызывал такое чувство. Оно возникает из страшного соседства. Страницы, заполненные темными буквами, — это «Ночевала тучка золотая», это «Спор», «Тамара», «Листок», «Выхожу один я на дорогу». Это, наконец, «Пророк». Это второе послепушкинское начало русской поэзии, ее

дит в нашу память и кровь, в первообраз русской литературы, в ее родовую завязь. Андроников это знание держит в высоком строе речи, в самом способе чтения стихов, написанных в последние три месяца жизни. Его речь — быстрая, ясная, стремящаяся к какому-то итогу, к какой-то решающей мысли, к какому-то заветному слову. Стихи текут сплошным потоком, в одной проникновенной интонации, в одном голосовом напряжении. Стихи

кадре. Он перекрывает изобразительным рядом: нам показывают снежные вершины Эльбруса и Казбека, портреты современников Лермонтова, немецкое издание Гейне, живописные наброски поэта, портрет его убийцы: прямого — Мартынова и косвенного — русского самодержца. Андроников в кадре возникает редко, но каждый раз появления значимого лица ждешь, не дожидешься. Когда голос соединяется с человеком, в котором он обитает, заново ощущаешь природу того дара, который природа наделила Андроникова. Это дар проводника культуры, высокий дар рассказчика, который благодаря телевидению обрел многомиллионную аудиторию. Рассказы Андроникова — живая вода современной речи, современного ума, воскрешающего историю. В течение часа история беседовала с нами как бы по прямому проводу.

Любимая записная книжка князя Одоевского возвратилась к владельцу после смерти поэта. Стихи были напечатаны, альбом был помещен на вечное хранение в Публичную библиотеку. Андроников извлек его из архива, перелистал страницу за страницей, обнаружил разный смысл соседства жизни и смерти под одним переплетом. Он сделал альбом Одоевского таким фактом нашей культуры, который уже не забудут.

СТРОКА ИЗ АЛЬБОМА...

стра, которым заслушивались несколько поколений телезрителей. В нем появились новые обертоны — какая-то сосредоточенная, неизбывная, светлая печаль. Андроников ни разу не пошутил, ни разу не улыбнулся. Скорбная речь повествует о том, как в последний раз вспыхнул творческий гений поэта. Вспыхнул перед тем, как поэт убили.

Что значил для русской культуры выстрел Мартынова, мы узнаем не из слов, не из патетических восклицаний, не из проклятий. Андроников в конце фильма просто перелистает пустые страницы альбома, те, что Лермонтов не успел заполнить. Пустота этих страниц оглушает. От этой пустоты перехватывает горло. Я не помню, чтобы чистый

плодоносный корень, ее основа. И сразу же — обрыв, пустыня желтого листа, желтая пустыня смерти.

Новый фильм Ираклия Андроникова — о поэзии и смерти, о том, как быстро подрубил корень, о том, как трудно поэту поле перейти, жизнь дожить. Дописать альбом до конца. Фильм Андроникова о том, как поэт предсказывает свою судьбу, накликает ее: «В подневный жар в долине Дагестана с свинцом в груди лежал недвижим я; глубокая еще дымилась рана, по капле кровь точилась моя».

«Первое, что я узнала о Пушкине, это — что его убили». Вечную детскую цветавскую формулу вспоминаешь, слушаешь Андроникова. «Погиб поэт» — это знание воздушными путями во-

О новом телефильме Ираклия Андроникова

эти о разном: о России и Востоке, о преданиях Кавказа, о пустыне, внемлющей богу, о невозможности одиночества, о ссылке, обо всем на свете. Стихи эти об одном и том же: о смысле жизни, о даре жизни, о чуде жизни, которое всего «с час».

Ираклий Андроников заражает нас своим волнением и увлекает за собой. В отличие от прежних передач писатель редко появляется в